

Derryati
Vall

1906 no 1-2

№ 1.

1906 г

Цѣна 5 к. Въ провинціи 6 коп.

ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ

Цѣна 5 коп

DK262
.R4
Rus H. 1000

„Девятый Валъ“ больше всего запрещено правительствомъ журнала „Свобода“.

Революція...

Мы патриоты.

Забастовка въ... аду.

Вельзевулъ, безпокойно покачивая хвостомъ, выслушиваетъ докладъ министра земныхъ дѣлъ.

Чортъ (читаетъ). „Мы требуемъ восьмичасового рабочаго дня. Нѣтъ никакой возможности въ теченіе 24 часовъ дежурить при особѣ Дурново. Крылья наши совершенно обезсиляли“...

Вельзевулъ. Это что же? Бунтъ?! — Ввести депутатовъ. (Вводятъ чорта жестокости, чорта лицемерія и т. д.).

Вельзевулъ. Я ли васъ, братцы, не любилъ, а вы бунтовать!.. Станьте на работу! Пожалуйте чертенятъ вашихъ!

Чортъ № 1. Ваше Бѣсовское Сіятельство... тѣфу! Мрачность... Ваша Мрачность! Отставьте меня отъ Дурново! Измучилъ онъ меня! Онъ и безъ меня обойдется: я еще думаю, а у него ужъ готово!

Чортъ № 2. Пустите меня назадъ въ пекло! Здѣсь хоть и жарко да я привыкъ! А то изволь за графомъ по морозу летать, да летать.

Черти (хоромъ). Мы устали! Они хитре и жесточе насъ! Мы имъ не нужны!

Чортъ № 3. Вонъ я только шепнулъ Трепову: „на...“, а онъ ужъ продолжаетъ „...троновъ не жалѣть!“

Вельзевулъ. Тише черти!

Чортъ № 4. Я безъ работы! Дайте мнѣ работы! Послѣ того какъ мой оберъ-прокуроръ удался, мнѣ совсѣмъ почти дѣлать!

Вельзевулъ. Уходите. Я подумаю (черти уходятъ, безнадежно болтая хвостами). Позвать оберъ-секретаря чорта Веревкина. (Тотъ входитъ).

Вельзевулъ. Ну, какъ дѣла?

Чортъ. Забастовали, Ваша Мрачность. Пѣсни поютъ.

Вельзевулъ. Какія пѣсни?

Чортъ. „Вставай, подымайся, бѣсовскій народъ“. На землѣ перевали.

Вельзевулъ. А какъ грѣшники? Бунтуютъ?

Чортъ. Да немножко есть. Хорошо еще, кто въ собственномъ жиру жарится, а то некому масла подливать.

Вельзевулъ. Вотъ что! Мысль! Предложу грѣшникамъ стать на работу. У насъ изъ „правового“ нѣтъ?

Чортъ. Посмотрю.

Вельзевулъ. Скажи, что въ черти произведу!

Чортъ. Слушаю (уходитъ). Черезъ нѣкоторое время вводятъ Плеве, Сипягина и имъ подобныхъ. Двое-трое „правовыхъ“.

Вельзевулъ (Плеве). Раздоранъ немножко; ну, да подошьемъ. Такъ, хотите работать?

Всѣ. Ради стараться, Ваша Мрачность.

Вельзевулъ. Хорошенько революціонеровъ!!

Всѣ. Аа-а-а!!!

Чортъ - бунтовщикъ изъ - за двери: Жаль, что этихъ штрейк-брехеровъ второй разъ не убьешь! Эхъ, бѣдные мы черти!!!

Прожекторъ.

Вр. и. д. ген-губернатора.

Девятый валь.

I.

Ожесточенное врагами
Своей свободы и судьбой,
Вступаетъ море съ берегами,
Его стѣсняющими, въ бой.
Бываютъ молніи да громы
Въ союзѣ съ нимъ, но не знакомы
Тревоги робости ему.

Оно бросаетъ волнъ изломы,
Съ кипящей пѣною, во тьму
И мощнымъ натискомъ прибой
Грозитъ врагамъ — твердынямъ

скаль...

За нимъ идетъ, вздымаясь, вой,
Побѣдный валь, девятый валь.

II.

О, этотъ валь! Пусть мачты
крѣпки.

Онъ рушитъ ихъ, онъ снасти
рветъ

И превращаетъ мигомъ въ щепки
Корабль, стремившійся впередъ,
Готовя гибель капитанамъ,
Не угадавшимъ за туманомъ, —
Вдали—движенія его;

Гонимый вихремъ, ураганомъ,
Ужъ не щадитъ онъ ничего...
Въ огнѣ гремящихъ небосводовъ
Могучъ; кто съ нимъ въ борьбѣ
не палъ?

Есть и въ исторіи народовъ
Побѣдный валь, девятый валь.

III.

Въ оцѣпенѣніи тяжеломъ
Молчитъ безсильная страна;
Когда жъ тиранскимъ произволомъ
До глубины потрясена,
Когда же скорби нескондой
Исполненъ крикъ души народной,

Страна, измученная, вся
Пылаетъ мстью благородной
И возстае, не вынося
Позора, гнѣта и страданья:
Вчерашній рабъ героемъ сталъ...
Народный гнѣвъ—въ грозу воз-
станья —

Побѣдный валь, девятый валь.

IV.

Въ години ужасовъ кровавыхъ
Тиранамъ служатъ палачи;
У пьяныхъ кровью, при рас-
правахъ,
Свистятъ надъ нами ихъ бичи;

Мы не семеновцы...

Грохочутъ выстрѣлы и мирныхъ
Сражаютъ гражданъ... Слышенъ
жирныхъ
Буржуевъ тронетъ; шкурный
страхъ
Гнететъ властей, и на обширныхъ
Пространствахъ смерть у всѣхъ
въ очахъ...
Борцы въ плѣну; страна въ по-
зорѣ,
Но лишь возмездья часъ насталъ, —
Растетъ, гремитъ въ народномъ
морѣ
Побѣдный валъ, девятый валъ.
Николай Пановъ.

Ночь наступаетъ...
Побѣдовосцевъ влетаетъ...

Изъ Пушкина.

Мчится Витте, вьется Треповъ,
Мрачно небо, ночь мутна...
Всюду—тьма могильныхъ склеповъ,
Плачутъ дѣти и жена.
Бѣду я и сонъ мнѣ снится,
Сонъ, какъ будто, не того:
Впереди Игнатѣвъ мчится,
Сзади съ плетью Дурново...
Посмотри: вонъ, вонъ стрѣляютъ
Пулеметами въ меня
И казаки ужъ сѣдаютъ
Долгогриваго коня.
А жандармы, строй за строемъ,
Пьяной, дикою ордой
Понеслись, какъ вѣдьмы, съ боемъ
На послѣдній, смертный бой.
Юаннъ Кропштадтскій стоить
И такъ жалобно поетъ:
Не Порфирию ль хоронять,
Или новую зоветь?
Мчится Витте, вьется Треповъ,
Мрачно небо, ночь мутна...
Всюду—тьма могильныхъ склеповъ...
Охъ, родная сторона!

Комикъ.

Простыя рѣчи.

III.

Журналъ „Свобода“ распоряже-
ніемъ правительства закрыть. Номера
„Свободы“ не разошедшіеся конфи-
скованы А. М. Гутяръ въ домѣ пред-
варительнаго заключенія. Я освобож-
денъ подъ залогъ въ 10.000 рублей.
Насъ обвиняютъ въ неуваженіи къ
Верховной власти. Намъ ставятъ въ
вину, что мы печатали призывы въ
революціи. Ставятъ въ вину, что мы
ждали революціонныхъ дѣйствій со
стороны манджурской арміи.
Меня обвиняютъ въ томъ, что я
въ моихъ „Простыхъ Рѣчахъ“ распро-
странялъ ложныя известія о правитель-
ствѣ. Меня обвиняютъ въ призывѣ къ
бунту...

„Свобода“ или журналъ, который
замѣнить „Свободу“, начнетъ выхо-
дить съ 1-го февраля.

Программу изданія „Девятый валъ“
я измѣню съ того дня, какъ станетъ
выходить „Свобода“. „Девятый валъ“
сдѣлается приложеніемъ къ „Свободѣ“.
С. Усачъ.

Пѣсня адмирала Дубасова.

Возвеличу, воспою
Удаль, силу-мочь свою.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Бунтомъ встала вся Москва
За гражданскія права.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Вотъ меня указомъ шлютъ
Усмирять московскій людъ.
Ай-люли! ай-люли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Говорили кое-гдѣ:
„Плохъ Дубасовъ на водѣ“!
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Я на сушѣ—курамъ смѣхъ!—
Хорошо дубасилъ всѣхъ.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Сухопутный адмиралъ.
Въ плѣнъ Москву-столицу бралъ.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Пулеметы ставилъ въ рядъ,
Въ пушку ввертывалъ зарядъ.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Отъ избытка буйныхъ силъ
Я людами людей травилъ.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Отъ великаго ума
Разорвалъ и жегъ дома.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Я размахивалъ рукой,
Кровь текла, лилась рѣкой.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Продолжалася рѣзня
До рождественскаго дня.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!

Самъ же я остался живъ,
Полстолицы истребивъ.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Мнѣ изъ адской глубины
Слышенъ хохотъ сатаны.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Не страшить меня и адъ...
Сатана мнѣ будетъ радъ.
Ай-люли! ай-лю-ли...
Русь, восторгъ со мной дѣли!
Записальсь голоса самого адмирала:
Николай Пановъ.

Чѣмъ не генералъ-губернаторъ?!

1-го января

1906 г.

Последнее торжество... Тюремщики пируют...

Хроника.

Въ высшихъ сферахъ ходятъ упорные слухи, что еврейскіе погромы съ января мѣсяца будутъ временно отменены, а послѣ созыва Государственной думы и вовсе упразднены. Слухи нуждаются въ подтвержденіи.

Въ мин. вѣдѣ намъ сообщили, что въ Государственный совѣтъ внесенъ законопроектъ о лишеніи губернаторовъ права устраивать избіенія интеллигентовъ. Относительно студентовъ въ законопроектѣ ничего не говорится; поднимать вопросъ о нихъ считается несвоевременнымъ, въ виду предполагаемой въ близкомъ будущемъ отмены ношенія форменной одежды. А тогда студенты подойдутъ подъ одну общую статью съ интеллигентами.

Говорятъ, что съ цѣлью увеличенія средствъ истощенной государственной казны министромъ финансовъ по соглашенію съ мин. вѣдѣ Дурново выработаны слѣдующія мѣры: закрыть всѣ русскія повременныя изданія, арестовать всѣхъ журналистовъ и засадивъ ихъ въ петропавловскую крѣпость издавать при ихъ сотрудничествѣ единственную для Россіи монопольную „Казенную Газету“. Запасъ сотрудниковъ уже дѣлается: сохраняются они пока въ домѣ предварительнаго заключенія. Нѣкоторые временно выпущены на свободу подъ залогъ въ 10.000 р.

Петербургскій корреспондентъ одной компетентной датской газеты говоритъ, что жалованіе русскимъ чиновникамъ и въ бу-

дущемъ году правительство будетъ все-таки въ состояніи платить. Сообщение цѣликомъ оставляемъ на ответственности корреспондента.

На вопросъ интервьюера итальянской газеты „Si non e vero“, почему запрещенъ журналъ „Свобода“—предсѣдатель судебной палаты отвѣтилъ вопросомъ: „разъ отобрали пять свободъ, почему не отобрать за одно и шестую?“
Бабулѣндра.

О н и.

Они стакнулись и стали сообщниками. Если бы существовать адъ и былъ въ немъ сатана, они своей злодѣйской стачкою противъ чловѣка, смутили бы самого сатану, и онъ не потребовалъ бы отъ нихъ расписки, написанной ихъ собственной кровью.

Они стакнулись, когда сіяніе дучезарной свободы разлилось по лицу нашей родины, когда зазвучалъ благодатный призывъ къ новой жизни; они стали сообщниками, когда имъ пришлось уступать непорочной правдѣ, которая восторжествовала надъ кривою.

Они ополчились на свободу, замахиваются на нее эти клятвопреступники съ крестомъ въ десницахъ, черносотенцы въ ризахъ, митрахъ и екуфьяхъ; эти воры, грабители, разбойники въ шитыхъ золотомъ мундирахъ; эти кровожадные, наглые лжецы, обманщики, находящіеся на содержаніи у старушки-казны, сановные и чиновные Альфонсы, политическіе проституты...

Обличайте ихъ преступленія ихъ гнусности! Ставьте ихъ къ позорному столбу исторіи, не щадите ихъ, достойныхъ позора!

Они стакнулись, чтобы души въ всякую правду, стали сообщниками, чтобы наносить смертельные удары свободѣ, вырывать цвѣты изъ ея дивнаго, благоуханнаго вѣнка и топтать кощунственно ихъ въ грязи. Они стакнулись...

Пуля.

Изъ задачника Маликина и Буреника.

№ 1. У одного мальчика, мать котораго умерла за 10 лѣтъ до объявленія конституціи, 18 октября остались въ живыхъ только два близкихъ родственника; одинъ отецъ и одинъ братъ. Оба они 18-го пошли погулять по Гороховой. Спрашивается: сколько живыхъ близкихъ родственниковъ осталось у того мальчика?

№ 2. Одному министру на переводѣ съ 3-го этажа во 2-ой было отпущено 10.000 руб. Требуется узнать: сколько отпустить казна вдовѣ этого министра при переселеніи его съ земли въ адъ?

№ 3. Одинъ старикъ-солдатъ съ прострѣнными въ Манджуріи ногами и съ руками ранеными утѣхнологическаго института попалъ въ Москву. Спрашивается: что еще найдеть полезнымъ прострѣлать ему адм. Дубасовъ?

Леди.

Песокъ

возами очень дешево. Зданіе Гос. Сов. Маринская площадь.

Пулеметы

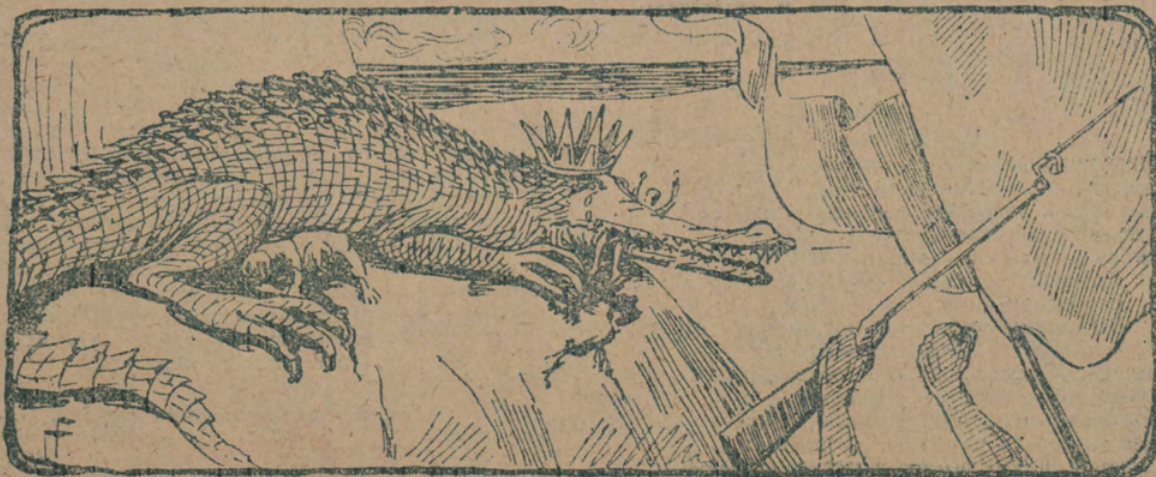
Незамѣнимы при обстрѣлываніи бульваровъ. Оптовый складъ для всей Россіи. Петербургъ у ген. Тропова. Отдѣленіе для Москвы у ген. Дубасова.

Министръ

мѣняющій квартиру, желаетъ занять подъ переводъ 10.000 руб. (золотомъ)

Ген. Куропаткинъ

проѣздомъ изъ Манджуріи потерялъ терпѣніе. Нашедшаго проситъ достав. за прил. вознагра. (кредитными билетами).

Братца! Пожалуйте, ессонхъ, жень и дѣтей!..

(Рис. Витте.)

Не тоскуй.

Слышишь ты дьяволовъ сытое ржаніе?
Слышишь ты пьяное ихъ ликованіе?
Вотъ понеслись они вскачь!
Другъ мой, ты плачешь? Съ рукой безоружною
Слабой считаешь себя и ненужною?
Другъ мой, не плачь...
Видишь ты домъ окровавленный пламенемъ?
Видишь героевъ съ развернутыми знаменемъ?
Смерти на нихъ подѣлуй...
Этѣ вѣдь кровь, наша кровь проливается,
Этѣ за честь и свободу сражаются!
Другъ, не тоскуй...

Забитый.

Сны.

(Посл. Т. В. Дружининой).

«Скажите, вѣрите вы снамъ?»

В. Крыловъ.

Скажите, вѣрите вы снамъ?
Неужели нѣтъ? Не вѣрите? Напрасно!
Сны предвѣщаютъ правду намъ,—
Я докажу вамъ это ясно.
Ну, напримеръ, увидите во снѣ
Игнатьева вы полную фигуру—
Сонъ скоро сбудется (повѣрьте мнѣ):
Введутъ у насъ въ Россію диктатуру!
Приснится Дурново вамъ у порога—
Такъ лучшаго грѣшно бы и желать:
Сонъ значитъ: вѣдь адъ близка ему дорота.
Собрался, дескать, старый помирать...
Въ театрѣ Михайловскій во снѣ сходится—
Опять увидѣть гибель броненосцевъ.
На васъ собрался кто то доносить.
Если приснится вамъ Побѣдоносцевъ!
Во снѣ у Витте время коротать—
Не избѣжать пустого разговора...
А въ интенданствѣ побывать—
Ужъ непременно видѣть вора!
Москву увидѣть, панихиды итъ—
Къ намъ въ Петербургъ Дубасовъ хочетъ мѣнять...
Во снѣ «патроновъ» не жалѣть—
Ну, значитъ, Трепова вамъ встрѣтитъ!

Янки Дудль.

Пменины короля.

Призраки ночи въ борьбѣ изступленія,
Слова хохотуть, кланя возрожденію,
Въ день именинъ короля...
Лапами дѣлкими ангеловъ радостныхъ
Давать въ объятіяхъ мокнатыхъ и гадостныхъ,
Независть злую тая.
Въ пляскѣ вакхической бѣсъ извивается,
Вѣдьма хвостатая громко сморкается
Прыгая, блея, свистя...
Волны свободныя брызгають бѣшенно,
Красная съ черною кровью перемѣшана
Въ день именинъ короля...
Призраки, призраки! Глухие, странные!
Вамъ ненавистны лучи многогранные
Въ день именинъ короля...
Пѣсней изъ ада явились вы, темные,—
Но и у насъ есть богатства огромныя:
Холодъ стальной острія!
Бѣсъ оголтелый! Къ чему завыванія?
Вѣдьма дурацкая! Бросьте кривлянія:
Алоу стала земля...
Хватить съ васъ, хватить, вѣдь, гордость утѣшена:
Красная съ черною кровью перемѣшана
Въ день именинъ короля.

М. Татьянинъ.

Пожаръ.

(Баллада).

(Съ англійскаго).

О, милорды! Доложите скорѣй королю...
Задыхался я... Мрачно извѣстіе...
Насъ господь посылитъ... Доложите, молю.
Что пожаръ уничтожилъ предмѣстіе!
О, милорды, доложите скорѣй королю!—
Вы смѣшны, милый мой, вы смѣшны, ma parole!
Оттого, что домишки сгорѣли,
Вы хотите, чтобъ сонъ потревожилъ король?
Онъ еще почиваетъ въ постели.
О, милорды! Пламя быстро и грозно растеетъ...
Неужели несчастье васъ радуетъ!
Дымъ нависъ и пожаръ беспощадно идетъ,
Искры въ городъ разбуженный падаютъ...
О, милорды, пламя быстро и гнѣвно растеетъ—
Вы смѣшны, милый мой; я скажу вамъ: c'est drôle—

Вѣдь вы можете дать мнѣ отсрочку.

Только пять лишь минутъ, какъ проснулся король;

Онъ теперь примѣряетъ сорочку.

О, милорды! Доложите скорѣй... Мы горимъ!

Цѣлый городъ въ огнѣ: гибнуть братія...

Заклинаю васъ! Видите, видите дымъ?

Воюду вопли и крикъ и проклятія...

О, милорды, доложите скорѣй, мы горимъ!—

Вы смѣшны, милый мой; что за странная роль—

Вы мятетесь, какъ запертый въ клітку!

Что-жъ я сдѣлать могу? Не одѣть нашъ король—

Примѣять свою онъ жилетку.

О, милорды...

Вѣстникъ тутъ за окно поглядѣлъ

И на плиты упалъ, какъ подкошенный...

Загорѣлся дворецъ! Къ королю полетѣлъ

Лордъ, какъ мячикъ ногою подброшенный.

Вотъ и все про пожаръ! Но въ балладѣ вся соль,

(Такъ кончается пѣснь старинной)

Въ томъ, что умеръ въ огнѣ негодный, король

Не успѣвши примѣрить штаны.

Янки Дудль.

Труба.

(Эскизъ).

I.

Подъ ней томились. Высокая, стройная показывала она на небо, выбрасывая густой, удушливый дымъ. Внизу валялся городъ. Это была язва, гниющая и смердящая. Мѣстами зияла она во всей отвратительной наготѣ своей, мѣстами прикрытая мишурой и ифшанскимъ счастьемъ она была еще отвратительнѣе и гнилѣе. А въ городѣ копошились и давили, пожирая другъ-друга, червяки-люди, и какъ жалкая смѣшина была эта борьба.

И труба высилась и беззвучно смѣялась надъ своими строителями и вѣтеръ ласкалъ ея щеки.

Неумолимо-страшна была труба вечеромъ, когда багряный закатъ наливалъ ее кровью и вся она словно свѣтилась и краснѣла, какъ распухшій комаръ.

И какъ громадная кровесосная банка, впиалась она въ городъ и, казалось, втянула въ себя кровь страдающаго подъ ней народа. А черный дымъ, вися и колеблясь, вопіалъ къ небу. И оно иногда плакало и брызгало слезами на холодныя щеки трубы.

Ночью стояла она, словно боясь и исчезая во мракѣ. Слово боясь, что страданіе и ужасъ навсегда ушли изъ ея власти. Утромъ труба стонала и червяки покорно ползли на ея зовъ, вечеромъ замирающимъ воплемъ оповѣщала она, что наши фабрики разомкнули зубы и худые, сѣрые, блѣдные и молодые, старые и дѣти ползли домой.

II.

Онъ ненавидѣлъ ее, въ его больномъ умѣ труба обратилась въ живое существо. Она—эта труба—всему виной, она неотразимо влечетъ страдальцевъ на непосильный трудъ. И они ползли. Ихъ давили, но сирадные рты просили ѣсть и слезящиеся, больные глаза просили свѣта. О, какъ онъ возненавидѣлъ ее! Она смѣялась своей массивностью и по праву презирала его—червяка. Съ холоднымъ потомъ просился больной и, сжавъ кулаки, затаивъ дыханіе, слушалъ ея заунывные гудки, призывные звуки. «Смерть и трудъ! Трудъ, чтобы умереть!» пѣла труба и другія вторили ей голосами густыми и тонкими, хрипыми и чистыми, и страшнѣе былъ ихъ концертъ. Много было трубъ, но она самая большая съ длинной желѣзной лѣстницей сбоку.

III.

Вѣтеръ перестанъ смѣяться и снѣгъ, мокрый и гадкій не иллой въ глаза... Шапка, крутая и ударяясь о ступеньки слетѣла внизъ; волосы растрепались на головѣ больного, а блѣдное лицо дышало ненавистью и безумной рѣшительностью... Нѣтъ! Какъ онъ не догадался раньше! Тѣломъ, собственнымъ тѣломъ закнуть ея ненасытную глотку, спасти сотни людей. Вѣтеръ свиститъ и смѣется, снѣгъ валитъ... Руки прилипаютъ къ ступенькамъ и коченѣютъ... Но выше, выше! Слышно, какъ буря срываетъ листь желѣза гдѣ-то внизу, онъ бьется и скрипитъ подъ ея напоромъ... Туманъ покрываетъ городъ... Цѣль близка... Уже чувствуется дымъ удушливый... Туда! во внутри! въ пасть! Вѣтеръ завывалъ, закрутилъ снѣгъ и скрылъ все отъ безумца...

IV.

Человѣческое тѣло закрыло трубу... Она не смѣялась.

Про.

Хохоть.

(Небылица).

Во славному градѣ Питерѣ,
На площади Маринской,
Въ Совѣтъ Государственномъ
Сошлись вельможи разъ.
Сошлись и поспорили,
Какъ лучше смуту дерзкую
(А сирѣчь революцію)
Похерить на Руси.
Здѣсь были и Витте-скавозвоникъ,
Американскій, ласковый,
Побѣдоносцевъ старенькій,
Здѣсь были и Дурново.
Пришелъ Игнатѣвъ жаждущій,
И Фредериксъ съ усницами,
Какъ у кота огромными,
Пришелъ и графъ Толстой.
Сошлись здѣсь и прочіе
Вельможи, люди знатные,
Что не удрали за-море
Пока еще отъ насъ,
И Треповъ самъ (хоть боязно)
Пришелъ сюда съ патронами,
Привхалъ съ пулеметами
Дубасовъ изъ Москвы.
Ну, словомъ, всякой всячины
Народу набралосѣ:
Считать—такъ съ генералами
Двѣ сотенки сошлось.
Сошлись и поспорили,
Подравшись—помирились
И порѣшили такъ:
„Есть много разныхъ способовъ,
Чтобъ лучше смуту дерзкую
(А сирѣчь революцію)
Похерить на Руси:
Подѣйствовать обманами,
Попуцать пулеметами,
Пообружить казаками,
Патроновъ не жалѣть...
Все средства старинныя,
Все средства негодныя—
Народъ стать нынче аховый:
Ихъ этимъ не проймешь!
Стрѣльнешь ты пулеметикомъ,
Онъ отвѣчаетъ бомбочкой,
А коли ты съ патронами,—
Революверомъ грозить“!
Гуторили совѣтники,
Гуторили разумные,
И такъ, и этакъ мѣтили
И вотъ пришли къ концу:
„Осталось намъ единое,
Осталось намъ послѣднее.
Не въ силахъ человѣческихъ
Народъ намъ удержать,—
Такъ пусть-ка попытается
Чудесною попыткой
Кронштадтскій старый батюшка
Возлюбленный Иванъ...
Позвать его во Питеръ-градъ
На службу всенародную,
Приспособить на площади:
Пусть чудо совершитъ!
Пусть снова цѣпи старья,
Разломанныя, ржавыя,
Одвѣтъ доброй волею
Самъ на себя народъ“.
Рѣшили такъ совѣтники
И съ радостными вздохами,
Что кончилось мученіе,
Сѣлъ секретарь писать.
Всѣ вокругъ него столпились—
Расписываться начали,
Фамильей кто пограмотней,
Кто пѣтъ—тотъ ставилъ крестъ.
Все было по хорошему;

Потрясъ себя за фалдочки
Побѣдоносцевъ старенькій,
Песочку одолжилъ.
Песочкомъ актъ присыпали,
Печатай понаставили,
Курьеру въ руки отдали:
Дескать, закрой въ конвертъ!
Курьеръ былъ парень смѣтливый,
Проворливый и опытный,—
Не то, чтобъ неотесанный
Комаринскій мужикъ.
Заклеить то заклеить онъ,
Но прежде, чѣмъ заклеивать,
Взять въ руки свои буркалы
И мудрый актъ прочесть.
А какъ прочесть—случилось
Съ нимъ, видно, навожденіе:
Какъ захохочетъ въ переклѣтъ—
Хо-хо! Хо-хо! Хо-хо!
И эхо прокатилось:
Хо-хо! Хо-хо! Хо-хонюшки!
Изъ залы да на лѣстницу
Пронесся хохотъ тотъ.
И затряслись приступочки,
Колонны зашатались,
Коверъ трясинѣ стать отъ смѣха—
Ажъ пыль пошла столбомъ!
Звенѣли въ окнахъ стеклышки,
Въ каминныхъ вьюшкахъ звякали,
Разстучались форточки:
Хо-хо! Хо-хо! Хо-хо!
Услыша смѣхъ сквозѣ форточки,
На уликахъ прохаживае,
Навозчики и лошади,—
Туда же, хохотать!
Потухнули фонарики,
Отъ хохота мигаючи,
И грохоталъ, какъ бѣшеный,
Будильникъ мостовой.
Шла баба тутъ тяжелая
И такъ расхохоталася,
Что родила младенчика
У самого дворца.
Младенецъ—птенчикъ махонькій,
Какъ родился—не всплакался,
А звонко расчихикался:
Хи-хи! Хи-хи! Хи-хи!
Старуха-богадѣлница,
Глухая и беззубая,
И та—какъ расхохочется:
Хе-хе! Хе-хе! Хе-хе!
И долго по столицѣ всей
Безъ перерыва-устали
Восилося веселое:
Хи-хи! Хе-хе! Хо-хо!
Вельможи, люди знатные,
И слыша хохотъ яростный,
Пришли въ большой конфузъ.
Опять они заспорили,
Поспоривши—подрались,
Подравшись—помирились,
И порѣшили такъ:
„Сглушили не по времени
Мы видно, люди добрые,
Порастерявши головы...
Что жъ дѣлать—будемъ ждать!
Лишь хохотъ поуляжется—
Мы выйдемъ спозараночку
Да и подемъ къ женушкамъ.
Пока жъ, давай сидѣть“!
Рѣшили такъ совѣтники...
А вокругъ дворца собралосѣ
Все больше, больше съ хохотомъ
И мужиковъ и бабъ...
И ходитъ слухъ: подишь сидѣть
Вельможные касатики—
Конфузно показаться имъ!
Хе-хо! Хо-хо! Хе-хо!

С. Жасъ.

Побѣда.

Огнемъ-ли сердца, пламенемъ горячимъ
Мятежныхъ чувствъ, проснувшихся въ тоскѣ,
Святой-ли радостью или горькимъ плачемъ—
Вѣщанныхъ грезъ о свѣтломъ далекѣ,
Угрюмой злобой, молотомъ могучимъ
Разъ врага или ропотомъ глухимъ,—
Въ послѣдней битвѣ вдохновенемъ ягучимъ
Мы побѣдимъ!
И слабые мы тайною отравой
Задупимъ ночь въ свержающихъ этихъ:
Мы революція... У гдирь многоглавой
Тантся ядъ въ отточенные ногти!
И сильные,—мы бурей окрыленной
Несясь впередъ, все злое поразимъ!
Въ послѣдней битвѣ—волей непреклонной
Мы побѣдимъ!
Теперь или послѣ, угрюмъ-ли пѣвущимъ
Или яркимъ днемъ, трепещущимъ въ тѣнѣ,
Настанетъ часъ въ невѣдомомъ грядущемъ—
И гордо выпынетъ солнце въ черной мглѣ.
Разрушатъ старый міръ до основанья,
Мы новый міръ свободный создадимъ.
Врага—цѣной великаго страданья
Мы побѣдимъ!

Сергій Безкровитный.

Красное, красное, красное...

Пурпурное небо, пурпурное солнце
И съ алымъ отливомъ зоря
И красные флаги и красныя ленты
Колышется радость тая
Все алый и красный, все алый и красный
Цвѣтъ красный сверкаетъ волшебю-прекрасный.
Вотъ движутся толпы, все красныя толпы
И съ музыкой войско идетъ;
То красное войско со знаменемъ краснымъ
Стремится, какъ буря впередъ.
То красное войско со знаменемъ краснымъ,
Со знаменемъ краснымъ волшебю-прекраснымъ.
Малиновымъ пламенемъ дышать пожары,
Попрятались крысы въ норахъ,
Потокъ ураганомъ несется шумливый
Пѣняся въ кровавыхъ волнахъ.
Потокъ резливается дерзкій и красный
Могучій и красный, безумно-прекрасный!
Звучитъ, какъ побѣда рабочая пѣсня
На праздникъ яркихъ огней
О, сколько героевъ погибло не видя
Луча расцвѣтающихъ дней

Дней царственно-убранныхъ свѣтлыхъ и красныхъ.

Дней дивныхъ и красныхъ волшебю-прекрасныхъ.

С. Черкасовъ.

Какъ бы раздвинуть!

Какъ бы укусы!

„Голодно, странничекъ, голодно...
Голодно, родименькій, голодно“...
Некрасовъ.

Святая Русь...

„Вьюты“
Щедринъ.

Издатель С. И. ЧЕПУРИНЪ.

Контора и Редакція: СПб., Николаевская, 73.

Редакторъ А. И. Яргинъ.

„Пушкинская скоропечатня“, Лешугинъ 4.

Выходить при участіи всѣхъ со-
трудниковъ запрещеннаго журнала

Нашъ девизъ: «Впередъ навъ бурю
Свободы».

Цѣна 5

СВОБОДА

9го
ЯНВАРЯ

ВЫСЪ ЧЕСТІЮ ПАЛИ ВЪ
БОРЬБѢ РОКОВОЙ

9-ое января.

Безъ яркихъ знаменъ и безъ пѣсней свободныхъ
Шли блѣдные люди въ надеждѣ слѣпой
Отвѣтныя слезы рыданью голодныхъ
Услышать въ чертогахъ сатраповъ холодныхъ...
Шли блѣдные люди нестройной толпой.

Хоругви священные съ вѣрой наивной
Ихъ чахла дѣти безмолвно несли,
Безъ краснаго знамени, пѣсни призывной
Подъ властью мечты, завлекающей, дивной,
Шли блѣдные люди. За радостью шли.

—Мы правды добьемся, безумцы шептали.
Пурпурнаго солнца святые огни!
Намъ путь освѣщаютъ... Ихъ взоры пылали
То гнѣвомъ, то счастьемъ, то искрой печали.
Шли блѣдные люди въ январскіе дни.

И всюду навстрѣчу съ цвѣтными значками
Блестящая конница быстро неслась
И братья на братьевъ глядѣли врагами,
И улицы скоро покрылись тѣлами!
Убитыхъ и раненыхъ... Кровь пролилась...

И стоны раздались. И крикъ, и смятеніе...
И въ ужасѣ громко рыдали одни,
Другіе молчали: для мертвыхъ—забвеніе.
Такъ созданы силы грядущаго мщенія
Въ январскіе, страшные, черные дни.

Сергій Безпросвѣтлый.

С.-Петербургъ, 9-ю января.

Рука не подымается... Тяжело,
больно и страшно! Тысячами труповъ
завоевана призрачная свобода,
и свободы нѣтъ... Должны еще
пролиться рѣки крови и слезъ,
должны оборваться миллионы жизней...

Тѣ, кто „жертвою пали въ
борьбѣ роковой“ 9-го января, знали
на что они шли. Но, счастливые,
они не знали, что мы сегодня,
тоже 9-го января, пойдемъ не съ
ликующими побѣдными красными
знаменами, а съ траурными черными
хоругвями...

Тяжело, больно и страшно!
Сегодня родина рыдаетъ, какъ рыдала
годъ назадъ.

Борцы въ плѣну, страна — въ позорѣ...

Русскій кровавый годъ начинается 9-го января.

Вѣчная память погибшимъ за свободу... Имя имъ тысячи...

Тяжело, больно и страшно...

Сердце надрывается... Намъ
нельзя всего сказать...

Дни не пришли, дни свободы...

Но скоро. Часъ близокъ...

Гапонъ.

Мы помѣщаемъ въ нашемъ журналѣ петицію рабочихъ Петербурга, составленную Георгіемъ Гапономъ и подписанную одиннадцатью депутатами. Эта петиція была представлена по назначенію ровно годъ назадъ, 9 января.

Съ тѣхъ поръ много прошло времени, рядъ великихъ событій измѣнилъ до неузнаваемости обликъ нашей родины, мы далеко ушли впередъ; психологія прогрессивнаго общества круто разорвала съ туманнымъ прошлымъ, и никто уже больше не надѣется на громкія слова, петиціи, адреса и пр.

Теперь нѣтъ надобности социалистическимъ партиямъ подчеркивать необходимость силовенной и организованной борьбы. Какой борьбы—это другой вопросъ. Важно одно: рѣшительно все сознавать, и правые, и лѣвые, что только сильныя обрѣтаютъ право свое. Другое дѣло — годъ назадъ. Тогда еще не выяснилось внутреннее положеніе Россіи; главный агентъ освободительнаго движенія, рабочіе, — нервничали и, увлекаясь рѣчами своего вождя Георгія Гапона, увлекли его самого.

И мы, вопреки социаль-демократической партіи, не видимъ тутъ вины со стороны о. Гапона и его единомышленниковъ.

Много тяжелыхъ жертвъ, много молодыхъ жизней погибло 9 января. Но они принесли великую жатву. Изъ маленькой искры разгорѣлся пожаръ. Это случилось такъ быстро потому, что передъ реальной революціей произошла революція умовъ. И этому перевороту сильно способствовалъ Георгій Гапонъ.

Перечитывая теперь его петицію, одобренную рабочими, мы можемъ смѣло сказать: передъ роковой битвой были соблюдены все формальности. Сначала просили, и только, когда отвѣтомъ на просьбы были ружейные залпы, стали требовать.

Все послѣдствія разыгравшейся бури вызваны бездарнымъ правительствомъ, которое въ борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ не пожалѣло Россіи, доведя ее до банкротства.

Еще интереснѣе эта петиція въ другомъ отношеніи: она, какъ яркій

РАСХОДИСЬ

контрастъ настроенію рабочихъ въ настоящее время, заставляетъ насъ съ большою надеждою смотрѣть на наступившій 1906 г. Никакая реакція не можетъ потушить все сильнѣе разгорающійся народный гнѣвъ.

Итакъ, да здравствуетъ грядущій годъ!

Вѣчная память погибшимъ въ революціонной борьбѣ за свободу.

Вѣчная память...

Письмо священника Георгія Гапона къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Ваше Высокопревосходительство!

Рабочіе и жители г. С.-Петербурга различныхъ сословій желаютъ и должны видѣть царя 9 января въ 2 ч. дня на Дворцовой площади, чтобы выразить ему непосредственно свои нужды, нужды всего русскаго народа.

Царю нечего бояться. Я, какъ представитель собранія русскихъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, мои сотрудники и товарищи рабочіе, даже всѣ, такъ называемыя, революціонныя группы разныхъ направленій гарантируютъ неприкосновенность Его личности. Пусть онъ выйдетъ, какъ истинный Царь, съ мужественнымъ сердцемъ къ своему народу и приметъ изъ рукъ въ руки нашу петицію. Этого требуетъ благо Его, благо обывателей Петербурга, благо нашей родины; иначе можетъ произойти конецъ той нравственной связи, которая до сихъ поръ еще существуетъ между русскимъ Царемъ и русскимъ народомъ.

Вашъ долгъ, великій нравственный долгъ, передъ Царемъ и всѣмъ русскимъ народомъ, немедленно, сегодня же, довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества, какъ все вышесказанное, такъ и прилагаемую здѣсь нашу петицію.

Скажите Царю, что я, рабочіе и многія тысячи народа мирно и съ вѣрой въ Него безповоротно рѣшили идти въ Зимнему Дворцу. Пусть и Онъ съ довѣріемъ отнесется, на дѣлѣ, а не въ манифестѣ, къ намъ.

Копія съ сего, какъ оправдательный документъ нравственнаго характера, снята и будетъ доведена до свѣдѣнія всего русскаго народа.

Священникъ Георгій Гапонъ.
11 депутатовъ отъ рабочихъ.

Петербургъ, 8 января 1905 г.

Петиція Государю рабочихъ города Петербурга.

Государь! Мы, рабочіе города Петербурга, наши жены, дѣти и безпомощные старцы-родители, пришли къ Тебѣ, Государь, искать правды и защиты. Мы обвиняли, насъ угнетаютъ, обременяютъ непосильнымъ трудомъ, надъ нами надругаются, въ насъ не признаютъ людей, относятся, какъ къ рабамъ, которые должны терпѣть свою горькую участь и молчать. Мы и терпѣли, но насъ толкаютъ все дальше въ омутъ нищеты, безправія и невѣжества, насъ душитъ деспотизмъ и произволъ, мы задыхаемся. Нѣтъ больше силъ, Государь. Насталъ предѣлъ терпѣнію. Для насъ пришелъ тотъ страшный моментъ, когда лучше смерть, чѣмъ продолженіе невыносимыхъ мукъ. И вотъ, мы бросили ра-

боту и заявили нашимъ хозяевамъ, что не начнемъ работать, пока они не исполнятъ нашихъ требованій. Мы немногочисленны, мы желали только того, безъ чего не жизнь, а каторга, вѣчная мука. Первая наша просьба была, чтобы наши хозяева вмѣстѣ съ нами обсудили наши нужды, но и въ этомъ намъ отказали, какъ отказали въ правѣ говорить о нашихъ нуждахъ, находя, что такого права за нами не признаетъ законъ. Незаконны также оказались наши просьбы: уменьшить число рабочихъ часовъ въ день, устанавливать пѣну на нашу работу вмѣстѣ съ нами и съ нашего согласія, разсматривать наши недоразумѣнія съ низшей администраціей заводовъ, увеличить чернорабочимъ и женщинамъ плату за ихъ трудъ до одного рубля въ день, отменить сверхурочныя работы, лечить насъ внимательно и безъ оскорбленій, устроить мастерскія такъ, чтобы въ нихъ можно было работать, а не находить тамъ смерть отъ страшныхъ сквозняковъ, дождя и снѣга. Все оказалось по мнѣнію нашихъ хозяевъ противозаконнымъ, всякая наша просьба—преступленіе, а наше желаніе улучшить наше положеніе—дерзость, оскорбительная для нашихъ хозяевъ. Государь! Насъ здѣсь больше трехсотъ тысячъ, и все это люди только по наружности, въ дѣйствительности же за нами не признаютъ ни одного человеческого права, ни даже—говорить, думать, собираться, обсуждать наши нужды, принимать мѣры къ улучшенію нашего положенія. Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голову въ защиту интересовъ рабочаго класса, бросаютъ въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку, караютъ, какъ за преступленіе, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть забитаго, безправнаго, измученнаго человѣка значитъ—совершить тяжкое преступленіе.

Государь! Развѣ это согласно съ Божескими законами, милостью которыхъ Ты царствуешь и развѣ можно жить при такихъ условіяхъ, законахъ? Не лучше ли умереть всѣмъ намъ, трудящимся людямъ, всей Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты и чиновники! Вотъ, что стоитъ передъ нами, Государь! И это то насъ и собралъ къ стѣнамъ Твоего дворца. Тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи Твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершить свою судьбу, сбрось съ него гнетъ чиновниковъ. Разрушь стѣну между Тобой и Твоимъ народомъ, пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ Тобой. Вѣдь, Ты поставленъ на счастье народу, а это счастье чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе. Взгляни безъ гнѣва, внимательно на наши просьбы. Онѣ направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь! Не дерзость въ насъ говорить, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго для всѣхъ положенія. Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ разнообразны и многочисленны, чтобы

одни чиновники могли управлять ею. Необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ тебѣ, вѣдь ему только и извѣстны его истинныя нужды. Не отталкивай же его помощь, прими ее: повели немедленно, сейчасъ же, призвать представителей земли русскою отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій. Пусть тутъ будетъ и капиталистъ, и рабочій, и чиновникъ, и священникъ, и докторъ, и учитель. Пусть всѣ, кто бы они ни были, выберутъ своихъ представителей. Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, а для этого повели, чтобы выборы въ Учредительное Собраніе проходили при условіи всеобщей, тайной и равной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба, въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти. Но одна мѣра все же не можетъ залечить всѣхъ нашихъ ранъ. Необходимы еще и другія и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, о нихъ. Необходимо:

I. Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа:

1) Свобода и неприкосновенность личности; свобода слова и печати; свобода собраній, свобода совѣсти въ дѣлѣ религіи. 2) Общее обязательное народное образованіе на государственныя счеты. 3) Отвѣтственность министровъ и гарантія законности управленія. 4) Равенство передъ закономъ всѣхъ, безъ исключенія. 5) Немедленное возвращеніе всѣхъ, пострадавшихъ за убѣжденія.

II. Мѣры противъ нищеты народа:

1) Отмена косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прямыми прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ. 2) Отмена выкупныхъ платежей.

III. Мѣры противъ гнета капитала надъ трудомъ:

1) Охрана труда закономъ. 2) Свобода потребительно-производительныхъ и профессиональных рабочихъ союзовъ. 3) Восемь-часовой рабочий день и нормировка сверхурочныхъ работъ. 4) Свобода борьбы труда съ капиталомъ. 5) Участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроекта о государственномъ страхованіи. 6) Нормальная заработная плата.

Вотъ, государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ. Повели и поклянитесь исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію счастливой и славной, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, мы умремъ здѣсь на этой площади, передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда больше идти и нечѣмъ. У насъ только два пути: или къ свободѣ и къ счастью, или въ могилу. Укажи, государь, любой изъ нихъ и мы пойдемъ по нему безпрекословно, хотя бы это и былъ путь къ смерти. Пусть наша жизнь будетъ жертвой для изстрадавшейся Россіи. Намъ не жалко этой жертвы, мы охотно приносимъ ее.

На подвигъ.

Въ лихорадкѣ дрожа, кивая въ бреду,
Я услышалъ печальный, таинственный вой:
— Встань съ постели недужный, ты духомъ здоровъ!
И я крикнулъ въ безумномъ восторгѣ: иду!
Я готовъ!

Одѣяло я сбросилъ съ груди огневой
И къ окну подбѣжалъ и на звѣзды глядѣлъ...
Тамъ, гдѣ грусти неясной, гдѣ жизни предѣлъ,
Вопыхнулъ лучъ... Онъ загадкой сіялъ роковой,
Онъ горѣлъ...

И опять мнѣ послышался голосъ тоски:
— Жертвъ мучительныхъ требуютъ яркіе дни,
Все, чѣмъ въ жизни своей дорожилъ, проклинай!
Пусть погибнетъ тиранъ отъ безстрашной руки,
Провляки!

И я проклялъ бесплодной любви идеалъ,
И я проклялъ запретъ, мракъ туманныхъ ночей,
И я проклялъ уныніе сумрачныхъ дней
И для подвига смѣлымъ и дерзкимъ возсталъ
Безъ цѣпей!

С. Черкасскі.

Заморскій гость и прин-
цесса Улыбка.

(Сказка.)

Это было въ невѣдомой странѣ, за
тридцать земель. Это было въ годину
ужаса.

Послѣ долгой, кровопролитной
войны, когда полуголодный, нищій
народъ, наконецъ, не выдержалъ и воз-
сталъ за землю и волю; когда луч-
шихъ людей разстрѣливали изъ пу-
шекъ; когда, казалось, не видно конца
страданію и слезамъ, льющимся кро-
вавыми ручьями; когда въ тюрьмахъ
не хватало мѣстъ, и всюду царили
ненависть и тоска,—вдругъ на мгно-
веніе народу улыбнулось счастье.

Въ годину ужасовъ улынулось
счастье.

Пріѣхалъ заморскій гость, поло-
жившій предѣлъ бесплодной, несча-
стной битвѣ великана съ карликомъ,
въ которой побѣда осталась за кар-
ликомъ. Пріѣхалъ гость, купившій
въ заокеанскомъ государствѣ миръ
страшной цѣной, цѣной позора. Прі-
ѣхалъ заморскій гость и освободилъ
изъ тюрьмы принцессу Улыбку.

Она долго томилась, бѣдная прин-
цесса, за рѣшетчатыми окнами сы-
рого, холоднаго зданія, въ мрачной
крѣпости, отраженной въ волнахъ
Сѣверной рѣки.

Крѣпость стояла на берегу Сѣвер-
ной рѣки.

Много лѣтъ принцесса Улыбка
была лишена свободы; она поблѣд-
нѣла и зачахла, и все-таки она была

Улыбкой. Она смѣялась грустно и
заманчиво, мечтательно, влюб-
ленно въ ея необыкновенную кра-
соту, въ ея свѣтлые глаза, сверкаю-
щіе огнемъ жизни.

Въ тюремномъ казематѣ смѣялась
принцесса Улыбка, хотя ядъ отрав-
илъ ея сердце.

Въ тюремномъ казематѣ томилась
свобода.

Иногда она слышала призывныя
нѣсны, посвященныя ей лучшими
поэтами страны, и эти могучіе звуки
фантастичныхъ гимновъ лечили ея
горе, и она смѣялась.

Много лѣтъ провела въ тюрьмѣ
Улыбка, и все не терпѣла надежды.

И вотъ,—въ годину ужаса изъ за-
океанской страны пріѣхалъ имени-
тый заморскій гость и совершилъ съ
ней обрядъ обрученія.

Это былъ праздникъ жизни, когда
желѣзныя двери раскрылись передъ
принцессой и она очутилась на волѣ.
Это былъ праздникъ жизни.

Это была побѣда солнца, разда-
вившаго въ золотыхъ лучахъ черныя
мрачныя ночи.

Восторженными криками встрѣ-
тилъ народъ освобожденіе принцессы.
Она была общей любимицей, хотя
многіе знали о ней только по на-
слышкѣ.

Восторженными криками встрѣтилъ
народъ принцессу.

Это былъ праздникъ жизни.

Но это было также и великое горе:
прелестную принцессу отдали замор-
скому гостю, который былъ старъ и
завистливъ, какъ черный воронъ.
Какой-то юноша, съ пожаромъ въ
сердцѣ, сначала громко привѣтство-
валъ Улыбку, а потомъ крикнулъ съ
плачемъ въ груди:

— Этотъ старый колдунъ погубитъ
ее. Онъ слезами омоетъ Улыбку.

И эхо отвѣтило со всѣхъ сторонъ:

— Этотъ старый колдунъ обманетъ
принцессу Улыбку.

Но люди вѣрили въ счастье, по-
тому что они его хотѣли.

Счастье было близко.

Прошло сто дней, и черныя дроги
везутъ на кладбище прелестную
принцессу.

Ее задушилъ заморскій гость про-
ворными руками.

Она умерла.

Она умерла, и воскреснетъ вновь
мекоро, нескоро. Но она воскрес-
нетъ. Воскреснетъ въ тотъ день, когда
погибнетъ заморскій гость.

А ты, жалкій Витте, поймаешь
ли эту сказку?

Лилий.

Новый Годъ.

Пришелъ Новый Годъ... И святымъ, и туманнымъ,
 Таинственнымъ кажется онъ.
 Такъ юность влюбленную вымысломъ страннымъ
 Ласкаетъ задумчивый сонъ.
 Пришелъ Новый Годъ, загораясь любовью
 Къ царю безумныхъ—тоскѣ.
 Съ цвѣткомъ незабудкой, обрызганной кровью,
 Съ цвѣткомъ незабудкой въ рукѣ.
 (Цвѣтокъ, что улыбка: въ слезахъ ей уютно,
 Въ крови оживаютъ цвѣты).
 Пришелъ Новый Годъ... И красиво, и смутно
 Ему улыбнулись мечты...
 Онъ видитъ свободы дворецъ. У порога
 Волшебники злые стоятъ.
 Вся трупами устлана къ счастью дорога...
 И шепчетъ онъ, грустью объять:
 — Прости меня солнце, въ лучахъ золотое
 И радость цвѣтущая днемъ.
 Не знаю, какъ ненависть въ сердце живое
 Закралась и дышетъ огнемъ:
 Не знаю, во имя ли правды народной,
 Иль видя страданья и плачъ,
 Я мститель... Душителямъ жизни свободной
 Я, Годъ, судя и палачъ!..
 Пришелъ Новый Годъ, загораясь любовью
 Къ царю безумныхъ—тоскѣ.
 Съ цвѣткомъ незабудкой, обрызганной кровью,
 Съ цвѣткомъ незабудкой въ рукѣ.

Д.

Изъ Пушкина.

(Адм. Дубасову).

Ты памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный.
 Подобнаго ему еще не знаетъ свѣтъ...
 Въ грядущихъ временахъ онъ встанетъ тѣнью черной,
 Кровавымъ призракомъ минувшихъ горькихъ лѣтъ.
 Вся кровь народная, тобою пролитая,
 Святая кровь борцовъ къ отмщенью вопіетъ,
 Зоветь на судъ тебя, палачъ родного края,
 И справедливый судъ, повѣрь себѣ, найдетъ.
 Тотъ судъ—народа, судъ, какъ смерть, неумолимый:
 Спасенья нѣтъ тому, кого онъ обвинитъ,
 И приговоръ его, какъ правда, нерушимый,
 Въ исторіи страны, какъ эхо, прозвучитъ
 И пронесется онъ по всей Руси великой
 И коворитъ его всякъ сущій въ ней языкъ,
 И память о тебѣ, братоубійца дикій,
 Проклятемъ Каина навѣки заклеить.

Конусъ.

Сановники безъ портфеля.

Простыя рѣчи.

IV.

По рѣшенію судебной палаты, состоявшемуся 4-го января, А. М. Гутырь и я присуждены къ одному году крѣпости за журналъ „Свобода“.

Если бы не блестящая защита прие. пов. С. П. Марголина и полная наша невиновность, дѣло могло бы кончиться еще печальнѣе.

Въ слѣдующемъ номерѣ „Девятаго вала“ я помѣщу не лишніе интереса для любого юриста документы: обвинительный

актъ по нашему дѣлу и судебный приговоръ во всѣхъ подробностяхъ.

Не дѣлаю этого въ сегодняшнемъ номерѣ. Сегодня, девятаго января, день великаго траура... Траура по борцамъ за свободу и траура по свободѣ.

Журналъ „Свобода“ по приговору Судебной палаты запрещенъ навсегда.

С. Уасъ.

Ванна Дурново.

(Баялада).

О, мой вѣрный лакей. О, Дубасовъ морской, Управляющій нынѣ на сушѣ Москвой! Я отъ гнѣва вскипѣлъ и какъ банщикъ вспотѣлъ: А. Стаховичъ овсомъ меня ловко поддѣлъ... Освѣжиться мнѣ надо, я есмь Дурново, И министръ есть министръ и не меньше того. О, мой вѣрный лакей! Приготовь мнѣ скорѣй, Сдѣлай ванну—я вымоюсь въ ней. И приказу министра послушенъ идетъ Адмиралъ за солдатами: громко зоветъ Онъ семеновскій полкъ. Въ войскахъ знаетъ онъ толкъ:

Илеть семеновцевъ въ бой морской волкъ И подъ скачъ лошадей слышны стоны людей: То кровавую ванну готовить злодѣй. О, послушный лакей! О, Дубасовъ морской, Управляющій нынѣ на сушѣ Москвой! Дурново, знать, уменъ: угадалъ вѣрно онъ, Что въ Москвѣ обрѣтается На-поле-онъ.

Тамъ.

Перепѣвъ.

Одинъ и безмолвенъ монахъ молодой...

Гейне.

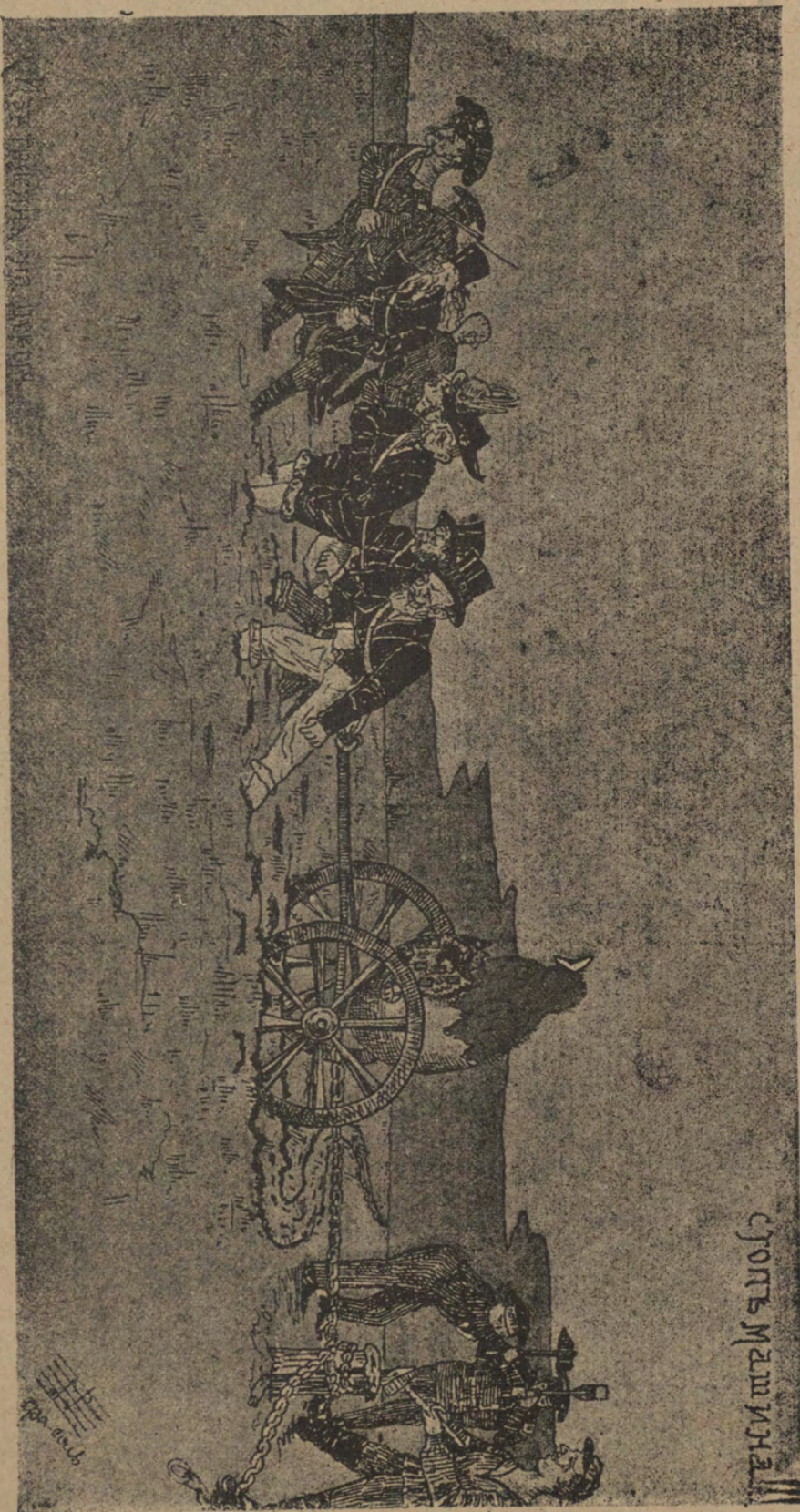
Одинъ и безмолвенъ российский премьеръ Сидитъ въ кабинетѣ роскошномъ, Кроваваго Плеве забытый дневникъ Читаетъ въ уныніи тошномъ... Бьетъ полночь. Не въ силахъ министръ удержать Кипящаго въ сердцѣ желанья. И, блѣдный, зоветъ онъ загробную тѣнь И робко творитъ заклинанья, —Тирана тирановъ изъ гроба призвать Прошу я васъ, темныя силы. Зажгите въ немъ жизнь. Я услышать хочу Фонъ-Плеве завѣтъ изъ могилы. Едва заклинанье министръ произнесъ, Какъ вдругъ задрожалъ онъ всѣмъ тѣломъ. И видитъ: безмолвно предстала предъ нимъ Фонъ-Плеве тѣнь въ саванѣ бѣломъ. Но взоръ его мраченъ, тѣснить его грудь Тяжелые вздохи недуга. Онъ шепчетъ беззвучно, съ усмѣшкою злой: —Въ аду ожидаю я друга!

Ежидна.

На дняхъ выйдетъ сатирическій журналъ въ краснахъ „Побѣда“.

Побѣда! Ха-ха-ха! Дубасовъ побѣдилъ революціонеровъ. Пушками и пулеметами онъ разстрѣлялъ тысячи людей, и побѣдилъ! Эта великая побѣда будетъ записана на страницахъ исторіи. Въ честь нея мы издаемъ журналъ „Побѣда“. Каждый день, каждый часъ, каждую минуту мы должны помнить о великомъ подвигѣ адмирала, ибо онъ второй Суворовъ, ибо онъ выше Наполеона. А можно ли хоть на минуту забыть о гитанѣ - геніи а-la-Наполеонѣ, котораго провидѣніе подарило Россіи. Увы! Немного поздно, послѣ окончанія войны виѣшней. О, если бы провидѣніе исторіи подарило! Кто знаетъ? Кто знаетъ... Быть можетъ, мы подписали бы миръ въ Токио. Побѣда! Да здравствуетъ достопочтенный Дубасовъ, побѣдоносный адмиралъ на морѣ и на сушѣ! Да здравствуетъ Дубасовъ! Слава ему!

Редакція.

„Дума“ — 1911.

Руби его!

Человѣкъ (кричитъ). Долой под-
лецовъ, мошенниковъ и убійцъ,—
всѣхъ до одного!..

Полицейскій (обнаживаетъ шши-
ну). А, ты противъ начальства?!..
Властей не признавать?!.. (Сопитъ).
Держи, держи!.. Руби его!..

(Рубитъ до самаго конца).

Настя.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

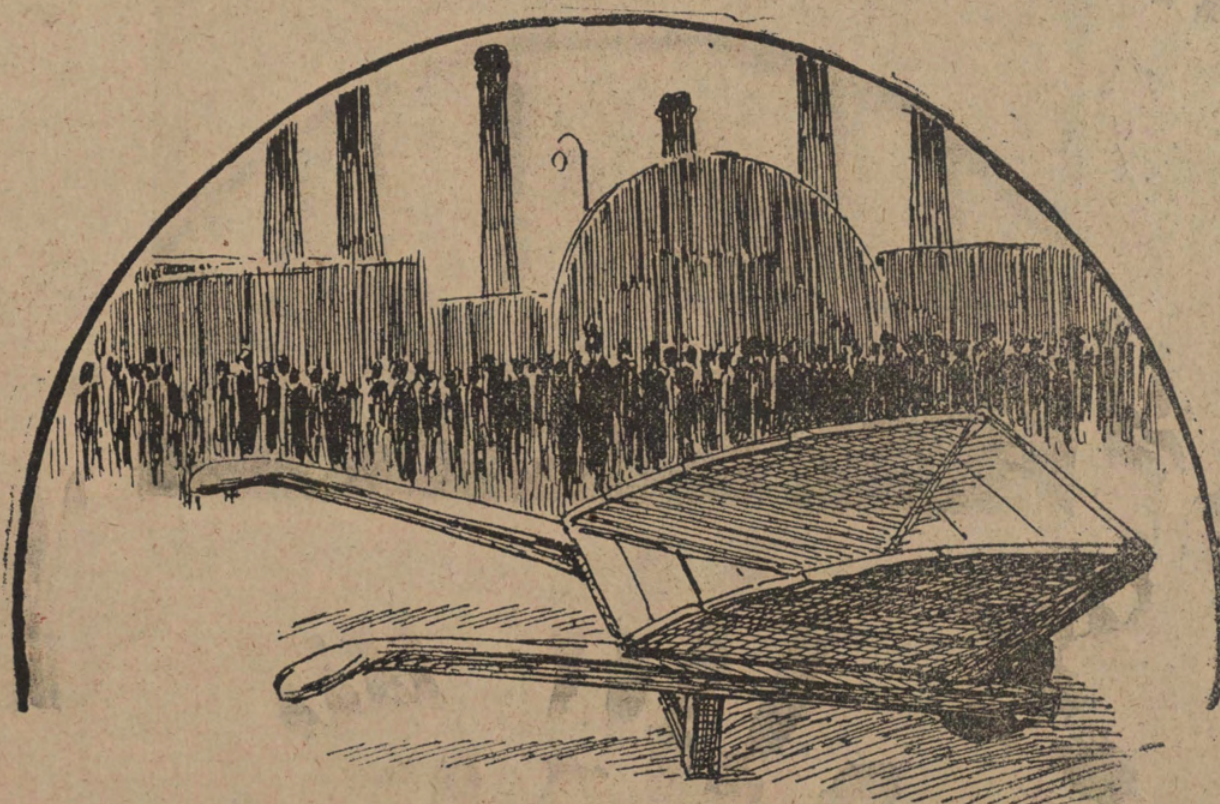
Мясникъ

ищетъ мѣста генералъ-губер-
натора. — Видѣть можно каж-
дый день на бойняхъ.

Въ тюрьмѣ

за приличное вознагражденіе
согласенъ сидѣть съ 24-го чи-
сла этого мѣсяца въ качествѣ
редактора или издателя; могу
въ отъѣздъ. — Адресъ до 24
числа: Домъ Предварительнаго
Заключенія; спросить редакто-
ра-издателя.

Жанъ.

Почетный экипажъ для бюрократовъ.

Еженедѣльный иллюстрированный социально-политическій и сатирический журналъ

„ДЕВЯТЫЙ ВАЛЪ“.

Продается у всѣхъ газетчиковъ и въ кіоскахъ г. Спб., а также во всѣхъ большихъ городахъ. Редакція и
контора: Николаевская, 73. Редакторъ принимаетъ ежедневно отъ 11—2 ч.

Рукописи, присланныя безъ обозначенія гонорара, оплачиваются по усмотрѣнію редакціи. Издатель С. И.
Чепурный. Редакторъ. А. И. Яршигъ.

мѣстѣ за мѣсто прилагается при семъ размыра.

Болѣе подробныя свѣдѣнія могутъ быть сообщены пись-
менно, по телефону или при личныхъ переговорахъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ

